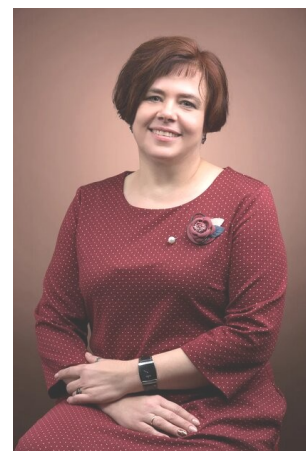

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-1-5

Алексеева Надежда Викторовна
Кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и философии
Череповецкого государственного университета
(Череповец, Россия)
ORCID 0000-0002-9816-0170
alekseevanv35@mail.ru

Alekseeva, Nadezhda
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Cherepovets State University
Cherepovets, Russia
ORCID 0000-0002-9816-0170
alekseevanv35@mail.ru

**Сакральная топография г. Череповца Новгородской губернии:
особенности формирования***

**Sacred Topography of the City of Cherepovets, Novgorod Governorate:
Peculiarities of Formation**

Аннотация. Статья посвящена особенностям формирования сакральной топографии г. Череповца с XVI в. до первой четверти XX в. В ней рассматриваются основные этапы православной застройки и мотивы, влиявшие на этот процесс, дается представление о зависимости топографических наименований города от сакральных объектов и личностей, что нашло отражение в названиях районов, улиц, социально-культурных объектов и закрепилось в памяти горожан в виде крестных ходов и православных традиций. В статье представлены выводы о своеобразии перечисленных процессов в Череповце, по сравнению с окружающими город территориями.

---

* Для цитирования: *Алексеева Н.В.* Сакральная топография г. Череповца Новгородской губернии: особенности формирования // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 141–177. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-1-5

For citation: *Alekseeva, N.* “Sacred topography of the city of Cherepovets, Novgorod Governorate: peculiarities of formation.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 1 (2020): 141–77, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-1-5>

© Алексеева Н.В., 2020

© Alekseeva N., 2020

Ключевые слова: Череповец, православие, город, сакральная топография, храм, часовня, крестный ход.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the formation of Cherepovets sacred topography from the 16th century to the first quarter of the 20th century. It primarily considers the main stages of Orthodox development and the motives that influenced this process. The author sheds light on the dependence of topographical names of the city on sacred objects and personalities, which was reflected in the names of districts, streets, social and cultural objects and was fixed in the memory of citizens in the form of religious processions and Orthodox traditions. The article draws the conclusions about the uniqueness of these processes in Cherepovets if compared with the areas surrounding the city. In addition, to conduct such a study, it was necessary to analyze the approaches that exist in historiography in this field of research.

Keywords: Cherepovets, Orthodoxy, city, sacred topography, cathedral, chapel, religious procession

Работа выполнена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области, грант №18-49-350002 p_a «Пространственная среда и социокультурные характеристики провинциального города в контексте догоняющей модернизации: доиндустриальный Череповец».

The work was given joint financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of Vologda Oblast, grant no. 18-49-350002p_a “Spatial Environment and Sociocultural Characteristics of a Provincial City in the Context of Catch-up Modernization: Pre-industrial Cherepovets”

Христианское сознание внутри самого христианского мира выделяет особые участки пространства, сильнее связанные с горным миром – «святые места», где вертикаль «человек – Бог» ощущается интенсивнее, создавая иллюзию своеобразной грани – перехода, стыка двух миров. Сакральная территория включает в себя понятие «инога», сосуществование и взаимодействие «бытия» (повседневной жизни), «инобытия» (молитвенного общения с трансцендентным миром) и «небытия» (территории отсутствия жизни, например, в материальном смысле – наличие кладбища; в духовном – бытование похоронно-поминальной обрядности). Такими местами в городе являются храмовые и часовенные комплексы, имеющие свою историю, структуру и наполнение.

Формирование сакральной топики будущего города начинается задолго до того момента, когда он приобретает данный статус. Это определяется идеей обязательной сакрализации бытового пространства, в котором люди предполагают обосноваться надолго, и подталкивает к необходимости освящения всего,

что должно способствовать утверждению и развитию жизни в конкретных географических и климатических условиях.

Всеобщая сакрализация обживаемой среды обязательна, при этом формируется особое, свойственное только данному этносу священное пространство.

Тема достаточно хорошо исследована на материалах средневековых христианских городов. О сакрализации пространства как западноевропейского, так и русского города писали такие исследователи, как А.Л. Баталов и Л.А. Беляев¹, Х. Матеос², Р.Ф. Тафт³.

В русле данных исследований в 2002 году А.М. Лидовым формируется иеротопический подход к изучению сакрального городского пространства⁴. В противовес изучению сакрального, чему посвящены работы М. Элиаде⁵, Р. Отто⁶, П. Флоренского⁷ и других ученых, А.М. Лидов выдвинул теорию исследования исторически конкретной деятельности людей по созданию среды общения с высшим миром. Мирче Элиаде ввел очень важное понятие «иерофании», объясняя через него, что некое место становится священным посредством вмешательства сверхъестественного (божественного). Термин Лидова «иеротопия» также может включать мистическую компоненту, однако в первую очередь он отражает осознанное творчество человека в формировании сакрального пространства при помощи архитектуры, изображений святых объектов, обрядов, света, запахов и др. Изучение результатов этой деятельности выделяется в особую область историко-культурных исследований. Результатом иеротопического творчества, как правило, являются церкви и святилища, но могут быть и сакральные ландшафты, и архитектурные комплексы, и даже целые города и страны.

---

¹ Баталов А.Л., Беляев Л.А. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история. – Москва: МГОМЗ, 2013.

² Матеос Х. История литургии свт. Иоанна Златоуста. Том 1. Служение Слова в византийской литургии: Исторический очерк / Перевод с французского С. Голованова. – Омск: С. Голованов, 2010.

³ Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Перевод с английского А.А. Чекаловой; редакция русского перевода и послесловие В.М. Лурье. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000.

⁴ Лидов А.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / под редакцией А.М. Лидова. – Москва: Индрик, 2006. – С. 9–31.

⁵ Элиаде М. Священное и мирское / Перевод с французского, предисловие и комментарии Н.К. Гарбовского. – Москва: МГУ, 1994.

⁶ Отто Р. Священное = Das Heilige: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Перевод с немецкого А.М. Руткевича. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008.

⁷ Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. – Санкт-Петербург: МИФРИЛ; Русская книга, 1993.

Также Лидов вводит понятие «пространственная икона». В отличие от обычной иконы, в ней нет фиксированного изображения. Её образ динамичен и воплощён в многообразии пластических форм, определяющих сакральное пространство. В формировании пространственной иконы, по мнению автора, могут участвовать как неподвижные элементы: архитектура, настенные росписи, обычные иконы и литургическая утварь, так и принципиально подвижные формы: динамика богослужения, драматургия световозжиганий и естественного света, а также среда запахов. Автор концепции считает, что многие сакральные ландшафты разных религий были задуманы и реализованы как пространственные иконы. В христианской традиции яркие примеры находим в многочисленных «Новых Иерусалимах» – архитектурно-ландшафтных образах Святой Земли⁸.

Если А.М. Лидов делает упор на организацию места, то, продолжая тему, С.С. Аванесов⁹ развивает ее во времени. Он выделяет несколько этапов в истории организации городской среды. На первом этапе формирование городского пространства изначально понимается и осуществляется как создание сакрального пространства. На втором – городское пространство начинает рассматриваться как архитектурно-проектный процесс, при котором на первый план выходят не религиозные, а стилистические аспекты градостроительства. Третий этап характеризуется застройкой, где ведущую роль играют уже не эстетические, а узкофункциональные и даже финансовые моменты.

Добавим, что первый этап продолжается примерно до второй трети XVIII века. Кроме того, второй и третий периоды необходимо рассматривать в непосредственной связи с географическим положением изучаемого города и экономическим развитием окружающей его территории.

Нельзя обойти вниманием выводы протоиерея Л. Лебедева¹⁰, который, изучая закономерности православной застройки древнерусских городов, отмечает, что, во-первых, все русские города в процессе своего развития стремятся к кругу; во-вторых, после крещения Руси организующим началом градостроительных композиций русских городов, их доминантой являются храмы и монастыри, причем в тех городах, где главным является собор в честь Спасителя или Богородицы, градостроительная композиция определяется фигурой креста, а там, где соборным храмом города является храм в честь Святой Троицы, определяющей фигурой оказывается треугольник. В-третьих, расположение и на-

---

⁸ См. подробнее: *Лидов А.М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования. – С. 9–13.

⁹ *Аванесов С.С.* Сакральная топика русского города // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. – 2016. – Т. 7. – № 1. – С. 71–114. – URL: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2016&issue=1&article_id=5889 (дата обращения – 12.08.2019)

¹⁰ *Лебедев Л.*, протоиерей. Москва Патриаршая. – Москва: Столица; Вече, 1995.

именование храмов и монастырей относительно священного или геометрического центра города не является случайным: оно подчинено определенным богословским представлениям и в определенных случаях – представлениям о граде небесном, Новом Иерусалиме¹¹.

Т.Н. Кудрявцева¹² в застройке русского города прослеживает ярусность уличного ансамбля, выделяя в нем три уровня: нижний – земля, ограды, ворота, стены, небольшие дорожные кресты, нижние строения служб; средний – жилые дома и домовые храмы в зажиточных домах, часовни; верхний ярус – слободские храмы, возвышающиеся над общим уровнем жилой застройки¹³.

Изучению сакрального пространства Русского Севера посвящены работы А.Б. Пермиловской¹⁴ и А.В. Камкина¹⁵.

С точки зрения А.Б. Пермиловской, культурный ландшафт Русского Севера был и остается культурным феноменом, в котором объединяются природный и историко-архитектурный территориальный комплексы. Последний содержит и сохраняет огромный пласт народной культуры. Сакральные ландшафты Русского Севера, кроме обширных территорий сельской местности, включают пространство северных городов, монастырей, целую систему еще мало изученных сакральных топонимов мифологического времени, а также отантропонимные наименования, основанные на православной и библейской лексике, образованные от имен иноков.

Исследуя формирование приходского сакрального ландшафта на Русском Севере, А.В. Камкин отмечал, что первым действием первопроходцев было освящение вновь обживаемой территории, своего рода закрепление ее в сакральном смысле за человеком, отделение от дикого, природного, необжитого. Он же выделил две зоны сакрального в уже сформированной человеком зоне жизни: малую и большую. Малая зона создавалась центральным культовым комплексом (два храма – зимний и летний, колокольня) и кладбищем. Она могла находиться на окраине поселения или даже на некотором удалении от населенного пункта. Примыкая к малой зоне, но не сливаясь с ней, располагались прихрамовые сооружения. В приходской топографии священное соседствовало с мир-

---

¹¹ Лебедев Л., протоиерей. Москва Патриаршая. – С. 287–290.

¹² Кудрявцева Т.Н. Композиция улиц древнерусских городов // Архитектурное наследство. – 1984. – № 33. – С. 14–22.

¹³ Кудрявцева Т.Н. Композиция улиц древнерусских городов. – С. 15.

¹⁴ Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. – Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010; Пермиловская А.Б. Русский Север в пространстве культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3: в 3 ч. – Ч. III. – С. 121–124.

¹⁵ Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. Любителю старины. Краеведу. Учителю. Студенту. – Вологда: ВГПИ, 1992.

ским, «чистое» – с «нечистым»¹⁶. Большая зона приходского пространства образовывалась сооружениями и знаками, рассеянными по всей территории прихода. Она включала часовни, приписные церкви, памятные и обетные кресты, святые родники, священные камни и т. д. Обе зоны составляли как в городе, так и в сельской местности единое целое¹⁷.

Такой подход дает исследователю более широкие возможности в изучении формирования сакрального пространства города. Малая и большая зоны сакрального могут варьироваться в зависимости от определения центрального объекта: по собору города (малая зона) и всей остальной городской сакральной топографии (большая зона); по приходам, где приходской храм и его вспомогательные постройки можно рассматривать в качестве малой зоны, а сакральную застройку прихода – большой; по городу в целом – в качестве малой зоны, и прилегающей к нему сельской территории – в качестве большой.

Сакральная структура г. Вологды, ее приходы и особенности приходской жизни достаточно подробно представлены в исследованиях И.В. Спасенковой¹⁸. Н.И. Сазонова анализировала судьбу православной градостроительной традиции и специфику ее восприятия в России XVIII–XX вв. и, в частности, в Сибирском регионе на примере города Томска¹⁹. Сохранение исторической памяти и религиозный уклад Белозерья исследовала С.В. Третьякова²⁰.

Обращаясь к истории формирования православной структуры г. Череповца, необходимо учитывать тот факт, что статус города он получил относительно поздно – в 1777 г. в результате административной реформы Екатерины II. Статус поселения определялся, прежде всего, нуждами создаваемой в стране административно-управленческой системы и в приказном порядке. По сути, на момент изменения своего административного статуса Череповец еще не стал городом и долгое время продолжал оставаться сельским поселением.

Если следовать логике С.С. Аванесова, преобразование поселений в города начинается на втором этапе – когда на первый план выходят не религиозные, а стилистические аспекты градостроительства. Применительно же к истории Че-

---

¹⁶ Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. – С. 10.

¹⁷ Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. – С. 11.

¹⁸ Спасенкова И.В. Православная традиция русского города в 1917 – 1930-е гг.: На материалах Вологды: дис. ... канд. ист. наук. – Вологодский государственный педагогический институт, 1999.

¹⁹ Сазонова Н.И. Пространство религиозного культа и сакральная топика города: восточно-христианская традиция. – С. 86–109.

²⁰ Третьякова С.В. Основатели монастырей в исторической памяти в религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – ВГПИ, 2007.

реповца можно говорить о третьем этапе, когда «ведущую роль играют уже не эстетические... а узкофункциональные и даже финансовые моменты»²¹. То есть, по отношению к Череповцу нельзя говорить о какой-то целенаправленной политике формирования городского сакрального ландшафта (в духе концепции Л. Лебедева²²), в отличие от Череповецкой округи, которая с XIII в. формировалась благодаря активной монастырской колонизации этих мест и имела мощную духовную традицию.

Православная топоника Череповца подробно представлена в историко-краеведческих работах М.Г. Мальцева²³; вопросы череповецких святынь также затрагивает и М.Ю. Хрусталева²⁴. А.В. Всеволодов²⁵ подробно рассматривает вопросы приходской организации города и приходского духовенства в контексте конкретно-исторического анализа Европейского севера России.

Православная топография Череповца складывалась на протяжении длительного времени и в первой четверти XX века представляла собой стройную систему этноконфессиональных компонентов градостроительной композиции.

В первую очередь эту композицию формировали храмы. Начало поселения «на Череповси» связывают с широко известной легендой о чудесном спасении во время бури некоего купца²⁶. Легенда настолько часто цитируется, что не будем ее полностью пересказывать. Для нас важно, что первые храмовые постройки будущего города появились именно в монастыре и положили начало его сакральной застройке. К сожалению, сам монастырь прекратил свое существование за 13 лет до появления города. Он был упразднен по указу Екатерины II в результате секуляризационной реформы (1764 г.), его храмы превращены в приходские. Однако известно, что монастырские храмы являлись особым элементом в общей системе православных святынь города. Их интегрирующий и консолидирующий духовный потенциал был так велик, что они ста-

---

²¹ *Аванесов С.С.* Сакральная топоника русского города. – С. 75.

²² *Лебедев Л.*, протоиерей. Москва Патриаршая. – С. 287–290.

²³ См. например: *Святыни Череповецкого края*. Кн. 1: Череповецкий край и его святыни / автор-составитель М. Мальцев; под редакцией М. Михайлова. – Санкт-Петербург: Русская Фиваида, 2007.

²⁴ *Хрусталева М.Ю.* Череповец: утраченные святыни. – Рыбинск: Михайлов посад, 2002.

²⁵ *Всеволодов А.В.* Православное приходское духовенство в 1840–1880-е гг. Материальное обеспечение, корпоративная организация, самосознание (на материалах Вологодской епархии): дис ... канд. ист. наук. – Институт истории и археологии УрО РАН, 2017.

²⁶ *Афетов Л.В.* Исторический очерк бывшего Череповского Воскресенского монастыря и его земельных владений (1895 г.) // Череповецкое музейное объединение (ЧерМО). – Ф. 9. – Оп. 43. – Ед.хр. 1. – Л. 10–11; *Хрусталева М.Ю.* Воскресенский Череповецкий монастырь по архивным и иконографическим источникам XVIII–XX веков // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда: Легия, 1999. – С. 32.

новились центрами паломничества особо благочестивых горожан, а также жителей ближайшей округи и даже всей епархии²⁷.

Православная застройка города Череповца начиналась традиционно для средневековья – в результате чуда, в данном случае, чудесного спасения во время бури по молитве. И связана она с именами двух святых – Афанасия и Феодосия, учеников прп. Сергия Радонежского, которые стали основателями Воскресенского Череповецкого монастыря. Два храма на территории обители – холодный в честь Воскресения Господня и теплый во имя Святой Живоначальной Троицы – известны со второй половины XIV в. Упоминание о третьей (надвратной) церкви Покрова Пресвятой Богородицы относится к 1656 г.²⁸ Первоначально все церкви были деревянными. В 1756 г. был освящен каменный храм Воскресения с приделами Усекновения главы Иоанна Предтечи и апостола Иоанна Богослова. Второй каменный храм, посвященный Троице, был освящен в 1781 г. уже после закрытия монастыря²⁹ и имел приделы в честь преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Новоезерского³⁰.

Во второй половине XIV в. в версте к югу от монастыря появляется село Федосьево. По преданию, его основателем был преп. Феодосий, который лично прорубил в лесу просеку и поставил крест на месте будущего храма. В это время здесь были выстроены два храма – холодный во имя великомученика Георгия с приделом Николая Чудотворца и теплый – во имя преп. Феодосия с приделом Афанасия Александрийского³¹. Таким образом ко второй половине XVI в. храмами определяются северная и южная границы будущего города. С юга вокруг монастыря появляется Подмонастырская слобода, с севера – село Федосьево, соединенные напрямую просекой³².

В 1757 г.³³ вместо обветшавшего храма во имя великомученика Георгия на средства прихожан был выстроен и освящен каменный храм во имя Иоанна Богослова с приделами во имя святителя и чудотворца Николая и во имя велико-

---

²⁷ Спасенкова И.В. Православная традиция русского города в 1917 – 1930-е гг.: На материалах Вологды.

²⁸ Хрусталева М.Ю. Воскресенский Череповецкий монастырь по архивным и иконографическим источникам XVIII–XX веков. – С. 36.

²⁹ Хрусталева М.Ю. Воскресенский Череповецкий монастырь по архивным и иконографическим источникам XVIII–XX веков. – С. 40–44.

³⁰ Череповец и его уезд (описание и прочие сведения) 1889–1892 гг., 1894 г. // ЧерМО. – Ф. 3. – Д. 3. – Л. 5 об. (Фонд письменных источников. История края до 1917 года).

³¹ Череповецкая Фиваида. Часть I / Автор-составитель М.Г. Мальцев. – Санкт-Петербург: Русская Фиваида, 2010. – С. 50–51.

³² Хрусталева М.Ю. Череповец: утраченные святыни. – С. 27.

³³ Кадобнов Ф.И. Краткий очерк возникновения города Череповца Новгородской губернии и его героический рост за время 50-ти летней деятельности городского головы И.А. Милютин / Составитель Ф.И. Кадобнов (Бывший гласный и секретарь Думы и Управы) г. Череповец. – Калуга: Типография Калужского губернского земства, 1910. – С. 3.

мученика Георгия. А в 1845 г. на месте пришедшей в ветхость церкви преп. Афанасия был возведен Благовещенский храм с двумя приделами – во имя святого Афанасия Александрийского и преп. Феодосия Печерского³⁴. Таким образом, храмы получили новые посвящения, сохранив при этом посвящения первых деревянных церквей в приделах.

Подмонастырская слобода и село Федосьево со своими храмами просуществовали практически до указа об учреждении города в 1777 году. И впоследствии город рос медленно и представлял собою два села, соединенных между собой почтовым трактом – просекой через вековой лес. Обращает на себя внимание тот факт, что до появления утвержденного государственного плана, в плане города никогда не наблюдалось ни креста, ни треугольника, ни круга, о которых говорит протоирей Л. Лебедев. В конце 1782 г. был утвержден первый план застройки г. Череповца с прямоугольной сеткой улиц. Были проведены изыскательные и инженерно-проектировочные работы, разработаны два варианта планировки. Первый предполагал провести продольные улицы вдоль течения реки Ягорбы. Таким образом, город мог быть выстроен на равнине, что не потребовало бы лишних усилий и затрат на застройку крутых спусков к реке Ягорбе. Однако второй план учитывал уже существующую городскую инфраструктуру (дороги, строения, храмы), в частности, главной городской улицей должен был стать постоянно функционирующий почтовый тракт, соединяющий Воскресенский собор с центром села Федосьево. Этот план был более удобен, поэтому остановились на нем³⁵. (см. рис. 1, 2).

После указа 1772 г., по которому запрещалось хоронить усопших при церкви, городские власти выделили землю под кладбище, названное Коржавским по вытекающей из Коржавского болота речке Коржавке. Открыто оно было в 1798 г. Сюда была перенесена деревянная надвратная церковь Покрова Пресвятой Богородицы из бывшего Воскресенского монастыря. В 1844–1846 гг., по данным М.Ю. Хрусталева, на кладбище была построена каменная церковь с тем же посвящением и приделом преп. Макария Унженского, а старая деревянная перестроена в часовню, находившуюся там до конца 1930-х годов³⁶.

---

³⁴ Череповец и его уезд (описание и прочие сведения) 1889–1892 гг., 1894 г. // ЧерМО. – Ф. 3. – Д. 3. – Л. 6 (Фонд письменных источников. История края до 1917 года).

³⁵ Череповец: кольца истории. Историко-картографический атлас / Мокин А.А., Булатова Е.Ф. Составление карт Мокин А.А. – Череповец: Порт-Апрель. 2019. – С. 7–8.

³⁶ Хрусталева М.Ю. Воскресенский Череповецкий монастырь по архивным и иконографическим источникам XVIII–XX веков. – С. 40.

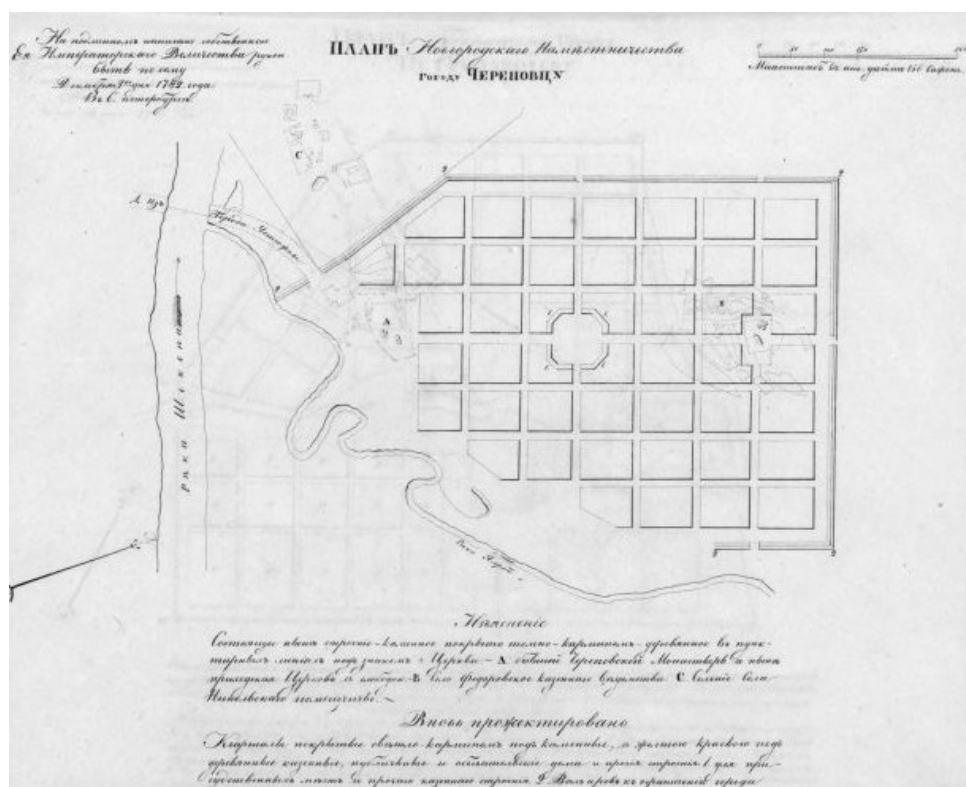

Рис. 1. План Новгородского Наместничества городу Череповцу.

Источник: Картографический портал.

URL: www.mapmarket.ru/index.php?r=329&page=4&id=273

Рис. 2. Наложение первого варианта неутвержденного плана города Череповца на современную карту

Источник: Череповец: кольца истории. Историко-картографический атлас / А.А. Мокин, Е.Ф. Булатова. Составление карт Мокин А.А. – Череповец: Порт-Апрель, 2019. – С. 6.

Взлет экономического развития г. Череповца приходится на вторую половину XIX в., в отличие от городов Сухоно-Двинского речного пути (Тотьмы, Вологды, Великого Устюга и др.), экономический расцвет которых выпал на XVI–XVII вв. До этого времени город не был богатым, но развитая речная сеть, включавшая в себя две реки – Шексну и Ягорбу, давала возможность стабильного экономического существования. В Череповце не было столь богатых купцов, которые создавали сакральную топику городов Сухоно-Двинского речного пути, поэтому культовые здания строились здесь лишь по мере необходимости (в связи с ростом населения, появлением учебных заведений, обнаружением святого источника и др.).

Вся основная каменная застройка, в том числе и сакральная, возведена в период, когда город возглавлял И.А. Милютин (1829–1907), ставший городским головой в 1861 г. и руководивший городской думой до конца жизни³⁷.

В 1883 г. в Череповце создается подворье Леушинского монастыря. Первоначально на нем строится часовня, а затем в 1894 г. вместо нее возводится деревянная, на каменном фундаменте Церковь во имя Сретенья Господня³⁸. Подворье было открыто на пересечении Александровского проспекта (современный пр. Луначарского) и ул. Крестовской (современная ул. Ленина)³⁹.

Первая домовая церковь в честь иконы Богородицы «Всех скорбящих радость» была устроена в 1888 г. при городской тюрьме и земском доме заключения⁴⁰. Вторая домовая церковь появилась при Реальном училище и была освящена в честь св. Александра Невского в 1898 году в память о смерти императора Александра III⁴¹. 28 ноября 1904 г. в Мариинской женской гимназии была освящена третья домовая церковь во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова⁴².

В 1913 г. вся Россия праздновала 300-летие царствования Дома Романовых. Это позволило игуменье Леушинского Предтеченского монастыря Таисии по-

---

³⁷ См. подробнее: *Алексеева Н.В.* Сакральное пространство севернорусского города на рубеже XIX–XX вв.: к постановке проблемы (на материалах г. Череповца Новгородской губернии) // *Феноменология города: Философские vs. исторические аспекты: материалы Всероссийского (с международным участием) междисциплинарного научно-теоретического семинара (Череповец, 28–30 июня 2019 г.): Сборник научных работ / ответственный редактор О.Ю. Солодянкина.* – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2019. – С. 16–23.

³⁸ *Хрусталева М.Ю.* Череповец: утраченные святыни. – С. 25.

³⁹ Подробнее о логике переименования пространственных объектов г. Череповца см.: *Солодянкина О.Ю.* События как вехи городской истории и их коммеморация: пространственный аспект // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 1174–1209. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-4-3

⁴⁰ *Хрусталева М.Ю.* Череповец: утраченные святыни. – С. 34.

⁴¹ *Хрусталева М.Ю.* Череповец: утраченные святыни. – С. 31.

⁴² *Хрусталева М.Ю.* Череповец: утраченные святыни. – С. 33.

строить стараниями благотворителей на станции Череповец храм во имя святителя Николая. Церковь была освящена 18 октября 1914 г., на день ангела наследника, цесаревича Алексея Николаевича. Церковь стала патрональной для железнодорожников⁴³. Строительством этой церкви было завершено формирование сакрального облика города.

Помимо храмов в процесс сакрализации городского пространства были включены и часовни. Об одной уже упоминалось выше – на Коржавском кладбище, перестроенной из бывшей деревянной надвратной церкви Покрова Воскресенского монастыря. Однако самой ранней считается череповецкая часовня на правом берегу реки Ягорбы в честь иконы Богоматери «Живоносный источник» или «Источница». Она была построена над источником, вода в котором считалась целебной, и известна с XVIII в. Более точных данных о часовне и ее истории не сохранилось. Третьей была часовня в честь преп. Филиппа Ирапского, которую построили на рубеже 70–80-х гг. XIX в. на подворье Филиппо-Ирапской пустыни. И, наконец, в 1904 году на железнодорожном вокзале по инициативе игуменьи Таисии была освящена четвертая городская часовня в честь святителя Николая⁴⁴. Часовни в честь святителя Николая ставились обычно вдоль речных и морских путей сообщения. На железнодорожном вокзале подобная часовня была построена впервые.

А.В. Камкин, исследуя принципы храмоименования и освящения престолов в церквях на территории Европейского Севера России, выделил несколько групп храмов: господские, архангельские, богородичные, пророческие, апостольские и в честь различных святых и святынь⁴⁵. Абсолютное большинство их было представлено в православном комплексе Череповца. В первой четверти XX века в Череповце к первой группе относились два первых храма города во имя Живоначальной Троицы и Рождества Христова на территории Воскресенского монастыря и храм Сретенья Господня на Леушинском подворье. Группа богородичных храмов была представлена надвратной, а затем кладбищенской церковью во имя Покрова Пресвятой Богородицы, кладбищенскою же одноименной часовней, Благовещенским храмом в Федосьево, домовую церковь во имя иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радость» и часовней, освященной в честь иконы Богоматери «Живоносный источник». К пророческим и апостольским относились приделы в честь усекновения главы Иоанна Предтечи и в честь апостола Иоанна Богослова в Воскресенском храме, Иоанно-Богословский храм в Благовещенском приходе на Федосьевской стороне и одноименная домовая церковь в Мариинской женской гимназии. Самую большую

⁴³ Хрусталева М.Ю. Череповец: утраченные святыни. – С. 29.

⁴⁴ Хрусталева М.Ю. Череповец: утраченные святыни. – С. 41–44.

⁴⁵ Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. – С. 15.

группу представляли храмы и приделы, посвященные святым подвижникам: общехристианским (храм, часовня и придел в Иоанно-Богословском храме, посвященные Святителю Николаю Чудотворцу, приделы во имя великомученика Георгия в Иоанно-Богословском, преподобного Афанасия Александрийского в Благовещенском соборах); православным (домовой храм реального училища в честь Александра Невского, приделы преподобных Сергия Радонежского в Троицком и Феодосия Печерского в Благовещенском соборах); местным (часовня в подворье Филиппа Ирапского с одноименным посвящением, приделы в Троицком и Покрова Пресвятой Богородицы в честь преподобных Кирилла Новоезерского и Макария Унженского, соответственно).

Архангельские посвящения в городской топонимике отсутствовали. Однако некоторые другие храмоименования были представлены даже неоднократно, что свидетельствовало об особом их почитании в богословской среде (апостол Иоанн Богослов) или популярности в народе (святитель Николай). Кроме того, сакральное пространство города было дополнено иконами и священным реликварием, который в Череповце рубежа XIX–XX столетий был представлен мощами преподобных основателей города Феодосия и Афанасия, находившимися под спудом в Воскресенском соборе⁴⁶. Все это давало возможность прихожанам обратиться в молитве к святыням практически всех уровней православия.

Восприятие цельного православного пространства обеспечивалось также названиями улиц и площадей города. К середине XIX в. две улицы из восьми существовавших, главный проспект, а также две площади из трех назывались по имени располагавшихся вблизи них храмов. Покровская и Благовещенская улицы с Воскресенским проспектом соединяли два древних центра города – Подмонастырскую слободу и Федосьево. Площади (Соборная и Благовещенская), соответственно, маркировали эти центры.

Кроме того, главные городские магистрали пересекали переулки, которые носили как храмовые или престольные, так и сословные названия и концентрировались вокруг тех же центров. Непосредственно прилегал к Соборной площади Соборный переулок, через квартал центральные улицы пересекали Сергиевский (по названию одного из престолов) и Троицкий. К Благовещенской площади, в свою очередь, примыкали Поповский, маркировавший компактное проживание причта Федосьевской стороны, и Егорьевский переулок, названием восходящий к первому выстроенному здесь видимо еще при Феодосии храму в честь великомученика Георгия и приделу в его честь в Иоанно-Богословском храме. План города см. на рис. 3.

---

⁴⁶ *Кадобнов Ф.И.* Краткий очерк возникновения города Череповца Новгородской губернии. – С. 3.

Рис. 3. План уездного города Череповца Новгородской губернии. 1850 г.

Источник: Череповец: кольца истории. – С. 10.

На карте 1900 г. появляются новые названия, связанные с сакральными центрами города. Вместо Сергиевского и Троицкого переулков появляется Сергиевская улица. Но Троицкий переулочек не исчезает с карты города, а перемещается в непосредственную близость к храмовому комплексу бывшего Воскресенского монастыря. Перпендикулярно ему немного левее на карте появляется Покровский переулочек, бравший начало на Покровской площади, прилегавшей к кладбищу и его церкви. С правой стороны, параллельно Набережной улице появляется Источниковая улица, по названию стоящей здесь часовни во имя иконы Божьей Матери «Живоносный источник».

Федосьевская сторона также претерпевает небольшие изменения в топографическом смысле: Поповский и Егорьевский переулки становятся Федосьевской улицей в память об основателе поселения иноке Феодосии.

Рис. 4. План уездного города Череповца Новгородской губернии. 1900 г.
Источник: Череповец: кольца истории. – С. 14.

Кроме того, на карте появляются два новых объекта, относящихся к православной топонимике города: Соборный и Источницкий сады, дающие возможность судить о культурном обустройстве города, создании в непосредственной

близости к сакральным центрам зон, предполагающих не только культовое служение, но и возможность отдыха горожан.

Данная топи́ка города оживала через традиционные православные обычаи и обряды. И самыми наглядными, применительно к топографии, были крестные ходы. Помимо обязательных крестных ходов на Пасху, в престольные праздники, в день происхождения (изнесения) Честных Древ Животворящего Креста Господня 1 августа и на Крещение, а также «на Иордань», в городе было пять собственно Череповецких крестных ходов.

Первый крестный ход проводился в день Преполовления Пятидесятницы. С южной и северной сторон города из приходских храмов выходили верующие с иконами и хоругвями и шли на реку Ягорбу, где освящалась вода. Далее крестный ход двигался по Дворянской улице и Казначейскому переулку до часовни Филиппа Ирапского. Завершалось все молебном, после которого прихожане Благовещенского прихода отправлялись в свой храм, а Соборный крестный ход направлялся через Реальное училище по Александровскому проспекту к Воскресенскому собору.

Второй совершался 10 июня. Установлен он был в 1824 г. по случаю принесения в собор из Ярославля копии с чудотворной Печерской Божьей Матери. Первоначально икона была помещена в часовне деревни Матурино. «Оттуда со славою и крестным ходом была перенесена в собор»⁴⁷. Выходил он из Воскресенского собора по Дворянской улице, затем поворачивал на Казначейскую улицу и возвращался в собор по Александровскому проспекту.

Третий был обетным и носил покаянный характер. Он совершался 10 июля и был «установлен издавна во время свирепствовавшей эпизодии»⁴⁸ (падежа скота). Крестный ход брал начало в Воскресенском соборе и направлялся в Благовещенский храм. Оттуда с иконами верующие обходили город вокруг, и от часовни иконы Божьей Матери «Живоносный источник» прихожане соборной стороны отправлялись в Воскресенский собор, а Благовещенские прихожане возвращались в свою церковь.

Кроме того, у прихожан Благовещенского храма были еще два крестных хода, о причинах происхождения которых данных пока не найдено. Один совершался на второй день Пасхи, направлялся к Воскресенскому храму, обходил его вокруг и возвращался в свою церковь. Другой проводился в пятницу после Пасхи до литургии. Шел к часовне «Живоначальный источник», где служили водосвятный молебен⁴⁹.

---

⁴⁷ Череповец и его уезд (описание и прочие сведения) 1889–1892 гг., 1894 г. // ЧерМО. – Ф. 3. – Д. 3. – Л. 7 (Фонд письменных источников. История края до 1917 года).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

В 1914 г. в Череповце существовало два прихода: Благовещенский и Воскресенско-Христорождественский, которые территориально делились Крестовской улицей. Православная застройка города имела 10 храмов и 4 часовни, основная часть которых появилась в XVIII–XIX вв. Данное количество, по видимому, полностью удовлетворяло духовные потребности жителей города. Пять храмов (Воскресенский, Троицкий, Благовещенский, Иоанно-Предтеченский и Покрова Божьей Матери) были духовными центрами первоначальных поселений, на основе которых впоследствии был сформирован город. Они соответствовали каноническим правилам формирования сакральных центров, принятым в средневековье: чудо, обет, подвижничество – спасение в бурю купца и данный им обет основать здесь монастырь, исполнение обета и деятельность подвижников, преподобных Афанасия и Феодосия, по духовному обустройству монастыря и окормлению населения прилежащих к нему земель. Кроме того, повторим, что храмы фланкировали границы будущего города с юга и севера, что имело и сакральное значение, т. к. защищало в духовном смысле всех, кто проживал внутри этих границ. К чуду можно отнести и обнаружение источника, которому приписывались чудодейственные свойства и над которым, в итоге, была поставлена часовня («Источница») и сформировался крестный ход.

Итак, второй этап активного храмового строительства совпадает с периодом развития города в XIX в. Здесь уже нет каких-то чудесных знамений, великого подвижничества, вся остальная церковная застройка появляется по необходимости и вследствие возрастающих потребностей горожан: необходимостью освятить пространство кладбища, которое также стало частью сакрального пространства города (церковь Покрова Пресвятой Богородицы); дать возможность сидельцам городской тюрьмы покаяться (домовая церковь иконы Богородицы «Всех скорбящих радость»); поддержать учащихся и учителей в их непрестом деле обучения и освоения новых знаний (домовые церкви Реального училища и Мариинской женской гимназии); подтвердить духовное учительство подвижников благочестия и местных духовных центров (домовая церковь и часовня на территории подворий Леушинского монастыря и Филиппо-Ирапской пустыни); освятить новую форму экономической деятельности – развитие железнодорожного транспорта в городе (Никольские часовня и церковь).

Таким образом, православная топография города к концу XIX – началу XX в. представляла собой совокупность разнообразных, иногда локально обособленных объектов, каждый из которых был самостоятельным, но все вместе они являлись звеньями стройной церковно-пространственной системы, составлявшей единый православный контекст общей градостроительной композиции⁵⁰ Череповца. Естественно, основной тон задавали пять самых древних храмов.

---

⁵⁰ Спасенкова И.В. Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг. – С. 40.

Данная система отличалась от топографии более древних городов Русского Севера, например, Вологды или Великого Устюга. Отсутствие высоких прибылей на протяжении нескольких веков сформировало у жителей Череповца достаточно рациональное отношение к своим доходам. В городе отсутствовала ярко выраженная традиция благочестия, которая на других территориях Вологодской и Архангельской губерний активно воплощалась в строительство обетных церквей, часовен и крестов. Однако твердая вера и устойчивое исполнение обрядности отчетливо прослеживается по сохранившимся документам. Существовавшее сакральное пространство города было постоянно востребовано и наполнено живыми традициями. Череповец в этом смысле не был исключением. В подобном ключе развивались многие уездные города – Грязовец, Никольск, Кадников, Боровичи, Тихвин и др.

Within the Christian world itself, the Christian consciousness marks out special areas of space that are more closely associated with the heavenly world, the holy places where the vertical “man – God” is felt more intensively and creates an illusion of a certain boundary, that is, the presence of a crossing, a junction of two worlds. The sacred territory includes the concept of “the other,” the coexistence and interaction of “being” (everyday life), “other being” (prayer communication with the transcendental world) and “non-being” (the territory of the absence of life, for instance, in the material sense, the presence of a cemetery; in the spiritual sense, funeral and memorial rites). Such places in the city are temple and chapel complexes, which have their own history, structure and contents.

The formation of the sacred topic of a future city begins long before the moment when it acquires such status. This is determined by the idea of indispensable sacralization of the space of everyday life where people intend to settle for a long time. This prompts the need to consecrate everything that should contribute to the establishment and development of life in specific geographical and climatic conditions.

Universal sacralization of the habitable environment is obligatory, and at the same time special sacred space is formed, which is peculiar only to a particular ethnic group.

This subject is well researched on the material of medieval Christian cities. Sacralization of the urban space, both Western European and Russian, was considered by such scholars as A. Batalov and L. Belyaev,¹ J. Mateos,² and R.F. Taft.³

In line with these studies, in 2002 A. Lidov outlined a hierotopic approach to the study of sacred urban space.⁴ In contrast to the study of the sacred, which was considered in the works of Mircea Eliade,⁵ Rudolf Otto,⁶ Pavel Florenskii,⁷ and other scholars, A. Lidov put forward the theory of researching historically specific activity of people aimed at creating an environment for communication with the celestial world. Mircea Eliade introduced a very important concept of hierophany, explaining by means of it that a certain place becomes sacred through the intervention of the supernatural (divine). A. Lidov's term "hierotopy" may also include a mystical component, but first of all it reflects conscious creative activity of man while forming sacred space with the help of architecture, images of holy objects, rites, light, smells, and so on. The study of the results of this activity falls within a special area of historical cultural research. As a rule, the result of hierotopic creativity is represented by churches and shrines, but it may also include sacred landscapes, architectural complexes, and even whole cities and countries.

Lidov also introduced the concept of spatial icon. Unlike a regular icon, it does not have a fixed image. Its image is dynamic and is embodied in a variety of plastic forms that define the sacred space. According to the author, fixed elements such as architecture, wall paintings, ordinary icons and liturgical utensils can participate in the formation of a spatial icon, as well as essentially mobile forms that include the dynamics of worship, the drama of lighting and natural light, and also the environment of odors. The author of the conception believes that a lot of sacred landscapes of different religions were conceived and implemented as spatial icons. In the Chris-

---

¹ A.L. Batalov and L.A. Belyaev, *The Church of the Ascension in Kolomenskoye: Architecture, Archaeology, History* [in Russian] (Moscow: MGOMZ, 2013).

² J. Mateos, *A History of the Liturgy of Saint John Chrysostom*, vol. 1, *Liturgy of the Word* [in Russian], trans. S. Golovanov (Omsk: S. Golovanov, 2010).

³ R.F. Taft, *The Byzantine Rite. A Short History* [in Russian], trans. A.A. Chekalova, ed. V.M. Lur'e (St Petersburg: Aleteiya, 2000).

⁴ A.M. Lidov, "Hierotopy. The Creation of Sacred Spaces as a Form of Creativity and Subject of Cultural History" [in Russian], in *Hierotopy. Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia* (Moscow: Indrik, 2006), 9–31.

⁵ M. Eliade, *The Sacred and the Profane* [in Russian], trans. N.K. Garbovskii (Moscow: MGU, 1994).

⁶ R. Otto, *The Idea of the Holy = Das Heilige: an Inquiry into the Non-Rational Factor in the Idea of the Divine and its Relation to the Rational* [in Russian], trans. A.M. Rutkevich (St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-peterburgskogo universiteta, 2009).

⁷ P.A. Florenskii, *Iconostasis. Selected Works on Art* [in Russian] (St Petersburg: MIFRIL, Russkaya kniga, 1993).

tian tradition, we find striking examples in numerous “New Jerusalems,” architectural and landscape images of the Holy Land.⁸

While A. Lidov focuses on the organization of place, S. Avanesov⁹ continues the idea and develops it in time. He identifies several stages in the history of urban environment organization. At the first stage, the formation of the urban space is initially understood and implemented as the creation of sacred space. At the second stage, the urban space begins to be seen as an architectural and design process, which brings forward stylistic rather than religious aspects of urban planning. The third stage is characterized by such urban area development that is predetermined by narrowly functional and even financial rather than aesthetic aspects.

Let us add that the first stage lasted approximately until the second third of the 18th century. Furthermore, the second and third periods must be considered in direct connection with the geographical position of the city and the economic development of its surrounding territory.

One cannot ignore the conclusions of Archpriest L. Lebedev.¹⁰ Studying the patterns of Orthodox urban fabric in Old Russian cities, he pointed out several features. Firstly, all Russian cities in the process of their development strive for a circle. Secondly, churches and monasteries are the dominating structures and constitute the organizing principle of the urban planning compositions of Russian cities after the baptism of Russia: in those cities where the main cathedral is in honor of the Savior or the Mother of God, the urban planning composition is determined by the figure of the cross; in the cities where the cathedral is a church in honor of the Holy Trinity, the defining figure is the triangle. Thirdly, the location and name of churches and monasteries in relation to the sacred or geometric center of the city is not casual. It is subordinated to certain theological ideas and, in certain instances, to the ideas about the celestial city, the New Jerusalem.¹¹

T. Kudryavtseva¹² retraces the tiers of the street ensemble in the construction of the Russian city and singles out three levels. The lower tier includes the land, fences, gates, walls, small road crosses and lower service buildings. The middle level is made up of residential buildings (in wealthy houses with private chapels) and chapels. The

---

⁸ For more, see Lidov, “Hierotopy. The Creation of Sacred Spaces as a Form of Creativity and Subject of Cultural History,” 9–31.

⁹ S.S. Avanesov, “Sacred Topics of Russian Cities” [in Russian], *ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, vol. 7, no. 1 (2016): 71–114. https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/avanesov_s_s_71_114_1_7_2016.pdf

¹⁰ L. Lebedev, archpriest. *Moscow Patriarchal* [in Russian] (Moscow: Veche, 1995).

¹¹ Lebedev, *Moscow Patriarchal*, 287–90.

¹² T.N. Kudryavtseva, “Composition of the Streets of the Old Russian Cities” [in Russian], *Arkhitekturnoe nasledstvo*, no. 33 (1984): 14–22.

upper tier is constituted by Sloboda churches, rising above the general level of residential areas.¹³

The works by A. Permilovskaya¹⁴ and A. Kamkin¹⁵ are devoted to the study of the sacred space of the Russian North.

From the point of view of A. Permilovskaya, the cultural landscape of the Russian North was and remains a cultural phenomenon that combines natural and historical architectural territorial complexes. The latter contains and preserves a huge layer of folk culture. In addition to vast areas of rural areas, the sacred landscapes of the Russian North include the space of the northern cities and monasteries, and the whole system of sacred toponyms of mythological time, little researched so far, and also the designations with anthroponymic stems, based on the Orthodox and Biblical vocabulary and derived from the names of monks.

Exploring the formation of the sacred parish landscape in the Russian North, A. Kamkin noted that the first action of the pioneers was to consecrate the territory being explored, which was a kind of securing the territory for the human in sacred sense, separating it from the wild, natural, uninhabited. He identified two zones of the sacred in the life zone, already formed by man: the small zone and the large zone. The small zone was created by the central cult complex (two churches, a winter church and a summer church, and a bell tower) and a graveyard. It could be on the outskirts of the settlement and even at some distance from it. Adjacent to the small zone, but not merging with it, the temple facilities were located. In the parish topography, the sacred coexisted with the secular, the “pure” with the “impure.”¹⁶ The large zone of the parish space was formed by constructions and signs that were scattered throughout the parish territory. It included chapels, ascribed churches, memorial and votive crosses, sacred springs, sacred stones, etc. Both zones constituted an integrated whole both in the city and in the countryside.¹⁷

This approach gives a researcher more opportunities to study the formation of the sacred space of the city. The small and the large zones of the sacred can vary depending on the choice of the central object, be it the cathedral of the city (the small zone) and the rest of the city’s sacred topography (the large zone); the parish where the parish church and its auxiliary buildings can be considered as the small zone and the sa-

---

¹³ Kudryavtseva, “Composition of the Streets of the Old Russian Cities,” 15.

¹⁴ A.B. Permilovskaya, *Russian North as a Special Territory of Heritage* [in Russian] (Arkhangelsk: Pravda Severa; Yekaterinburg: UrO RAN, 2010); A.B. Permilovskaya, “Russian North in Culture Space” [in Russian], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3, part 3 (2011): 121–24.

¹⁵ A.V. Kamkin, *The Orthodox Church in the Russian North: Essays on history until 1917. To the Lover of the Antique. To the Local Historian. To the Teacher. To the Student* [in Russian] (Vologda: VGPI, 1992).

¹⁶ Kamkin, *The Orthodox Church in the Russian North*, 10.

¹⁷ Kamkin, *The Orthodox Church in the Russian North*, 11.

cred constructions of the parish constitute the large zone; the city as a whole as a small zone, and the surrounding rural territory as the large zone.

The sacred structure of the city of Vologda, its parishes and features of parish life are presented in sufficient detail in the studies of I. Spasenkova.¹⁸ N. Sazonova analyzed the fate of the Orthodox city-planning tradition and the specifics of its perception in Russia in the 18th – 20th centuries, in particular, in the Siberian region based on the example of the city of Tomsk.¹⁹ The preservation of historical memory and religious ways of the Beloozero region were studied by S. Tret'yakova.²⁰

Addressing the history of the formation of the orthodox structure of the city of Cherepovets, it is necessary to take into account the fact that it received the status of a city relatively late, in 1777 as a result of the administrative reform of Catherine the Great. The status of a settlement was determined in the first place by the needs of the administrative system that was being established in the country and by command. In essence, by the moment of changing its administrative status, Cherepovets had not become a city and remained a rural settlement for a long time.

Following the logic of S. Avanesov, one can say that the transformation of settlements into cities begins at the second stage when stylistic rather than religious aspects of urban planning come to the fore. With regard to the history of Cherepovets, it is possible to speak about the third stage “when narrowly functional and financial rather than aesthetic aspects play the leading part.”²¹ That is, with respect to Cherepovets it is hardly possible to talk about a certain purposeful policy of forming sacred urban landscape (L. Lebedev²²), in contrast to Cherepovets environs, the shaping of which started as early as in the 13th century due to the active monastic colonization of those lands and had a powerful spiritual tradition.

The Orthodox topics of Cherepovets is presented in much detail in the works on local history by M. Maltsev.²³ M. Khrustalev²⁴ touched upon the issues of Cherepov-

---

¹⁸ I.V. Spasenkova, *The Orthodox Tradition of the Russian City in the 1917–30s: on the Materials of Vologda* [in Russian] (PhD diss. Vologda State Pedagogical Institute, 1999).

¹⁹ Sazonova, “The Space of Religious Worship and Sacred Topic of the City: the Eastern Christian Tradition”, 86–109.

²⁰ S.V. Tret'yakova, *Founders of Monasteries in Historical Memory in the Religious Ways of Beloozero Region (Second Half of the 19th – First Quarter of the 20th Centuries)* [in Russian] (PhD diss. Vologda State Pedagogical Institute, 2007).

²¹ Avanesov, “Sacred Topics of Russian Cities,” 75.

²² Lebedev, *Moscow Patriarchal*, 287–90.

²³ M. Mal'tsev, comp., *The Shrines of Cherepovets Land* [in Russian], bk. 1, Cherepovets Land and its Shrines, ed. M. Mikhailov (St. Petersburg: Russkaya Fivaida, 2007).

²⁴ M.Yu. Khrustalev, *Cherepovets: Lost Shrines* [in Russian] (Rybinsk: Mikhailov posad, 2002).

ets shrines. A. Vsevolodov²⁵ examined in detail the issues of the parish organization of the city and the parish clergy in the context of specific historical analysis of Northern European Russia.

Orthodox topography of Cherepovets developed over a long period of time and in the first quarter of the 20th century represented a coherent system of ethno-confessional components of urban fabric.

First of all, this fabric was formed by churches. The inception of the settlement “*na Cherepovsi* [in Cherepovets land]” is associated with a well-known legend about the miraculous escape of a certain merchant during the storm.²⁶ The legend is quoted so often that we will not retell it in full. It is important for us that the first church buildings of the future city appeared in the monastery and marked the beginning of its sacred construction. Unfortunately, the monastery itself had ceased to exist 13 years earlier than the city appeared. It was abolished by decree of Catherine the Great as a result of the secularization reform (1764) and its churches were turned into parish churches. However, it is known that the monastery churches constituted a special element in the general system of Orthodox shrines in the city. Their integrating and consolidating spiritual potential was so great that they became centres of pilgrimage for particularly pious residents of the city, its environs, and even the entire diocese.²⁷

The Orthodox development of Cherepovets began in the traditional for the Middle Ages way, as a result of a miracle; in this instance, a miraculous escape during the storm by prayer. And the beginning of the Orthodox building is associated with the names of two disciples of St. Sergius of Radonezh saints, Athanasius and Theodosius, who founded Cherepovets Resurrection Monastery (*Voskresenskii Cherepovetskii monastyr'*). Two churches in the territory of the monastery have been known since the second half of the 14th century: the summer church in honour of the Resurrection of Christ and the winter church in the name of the Holy Life-Giving Trinity. The mention of the third (gateway) church of the Intercession of the Holy Virgin dates back to 1656.²⁸ Initially, all the churches were wooden. In 1756, the stone church of

---

²⁵ Vsevolodov A.V., *Orthodox Parish Clergy in the 1840–80s. Financial Support, Corporate Organization, Self-Awareness (based on the materials of the Vologda diocese)* [in Russian] (PhD diss. Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017).

²⁶ L.V. Afetov, “Istoricheskii ocherk byvshego Cherepovskogo Voskresenskogo monastyrya i ego zemel'nykh vladenii (1895 g.)” [Historical sketch of the former Cherepovski Resurrection Monastery and its land holdings (1895)]. F. 9, op. 43, ed. khr. 1, ll. 10–11. Cherepovetskoe muzeinoe ob"edinenie [Cherepovets Museum Association] (CherMO), Cherepovets, Russia; M.Yu. Khrustalev, “Cherepovets Resurrection Monastery according to Archival and Iconographic Sources of the 18th–19th Centuries” [in Russian], in *Cherepovets. Local History Almanac*, iss. 2 (Vologda: Legiya, 1999), 32.

²⁷ Spasenkova, *The Orthodox Tradition of the Russian City in the 1917–30s*.

²⁸ Khrustalev, “Cherepovets Resurrection Monastery according to Archival and Iconographic Sources,” 36.

the Resurrection was consecrated with the side-altars of the Beheading of John the Precursor and the Apostle John the Theologian. The second stone church dedicated to the Trinity was consecrated in 1781, after the monastery had been closed,²⁹ and had side-altars in honour of St. Sergius of Radonezh and St. Cyril of Novoezersk.³⁰

Around the second half of the 14th century, the village of Fedosyevo appeared a verst south of the monastery. According to legend, it was founded by St. Theodosius who himself cut a clearing in the forest and put a cross on the site of the future church. At that time two churches were built there: the summer church in the name of the Great Martyr George with the side-altar of St. Nicholas the Wonderworker and the winter church in the name of St. Theodosius with a side-altar of Athanasius of Alexandria.³¹ Thus, by the second half of the 16th century, the northern and southern borders of the future city had been defined by the churches. In the south, Podmonastyrskaya Sloboda appeared around the monastery, and in the north there was the village of Fedosyevo, the cutting connecting them directly.³²

Instead of the dilapidated church in the name of the Great Martyr George, in 1757³³ a stone church was built and consecrated in the name of St. John the Evangelist at the expense of parishioners with side-altars in the name of St. Nicholas the Wonderworker and in the name of the Great Martyr George. And in 1845, on the site of the dilapidated Church of St. Athanasius, the Annunciation Church was built with two side-chapels: in the names of St. Athanasius of Alexandria and St. Theodosius Pechersky.³⁴ Thus, the churches received new dedications while preserving the dedications of the original wooden churches in the side-altars.

In such a way Podmonastyrskaya Sloboda and the village of Fedosyevo with their churches existed almost until the decree on the establishment of the city in 1777. Even after the decree the city was growing slowly and in fact it consisted of two villages, connected by a post road through the cutting in century-old woods. Noteworthy is the fact that before the emergence of the approved development plan there was no cross, triangle and circle mentioned by archpriest L. Lebedev. At the end of 1782, the

---

²⁹ Khrustalev, "Cherepovets Resurrection Monastery according to Archival and Iconographic Sources," 40–44.

³⁰ "Cherepovets i ego uezd (opisanie i prochie svedeniya) 1889–1892 gg., 1894 g." [Cherepovets and its uyezd (description and other information), 1889–92, 1894]. Fonds of written sources. History of the land until 1917. F. 3, d. 3, l. 5 ob. CherMO.

³¹ M.G. Maltsev, comp., *Cherepovets Thebaid. Part 1* [in Russian] (St Petersburg: Russkaya Fivaida, 2010), 50–51.

³² Khrustalev, *Cherepovets: Lost Shrines*, 27.

³³ F.I., Kadobnov, comp. *A Brief Outline of the Emergence of the City of Cherepovets in Novgorod Governorate and its Heroic Growth during the 50-year Activity of its Mayor I.A. Milyutin* [in Russian] (Kaluga: Tipografiya Kaluzhskogo gubernskogo zemstva, 1910), 3.

³⁴ "Cherepovets i ego uezd (opisanie i prochie svedeniya) 1889–1892 gg., 1894 g." [Cherepovets and its uyezd (description and other information), 1889–92, 1894]. Fonds of written sources. History of the land until 1917. F. 3, d. 3, l. 6. CherMO.

first development plan for the city of Cherepovets with a rectangular street grid was approved. Surveying and engineering design works were carried out and two variants were developed. One variant of the plan was to lay longitudinal streets along the Yagorba River. Thus, the city might have been built on a plain, which would not have required extra effort and costs for developing steep slopes falling off towards the Yagorba River. However, the second plan took into account the existing infrastructure (roads, buildings, churches), particularly, the main street of the city was to be made of the existing post road that connected the Resurrection Cathedral with the centre of the village Fedosyevo. This plan was more convenient, so it was chosen.³⁵ (See fig. 1, 2.)

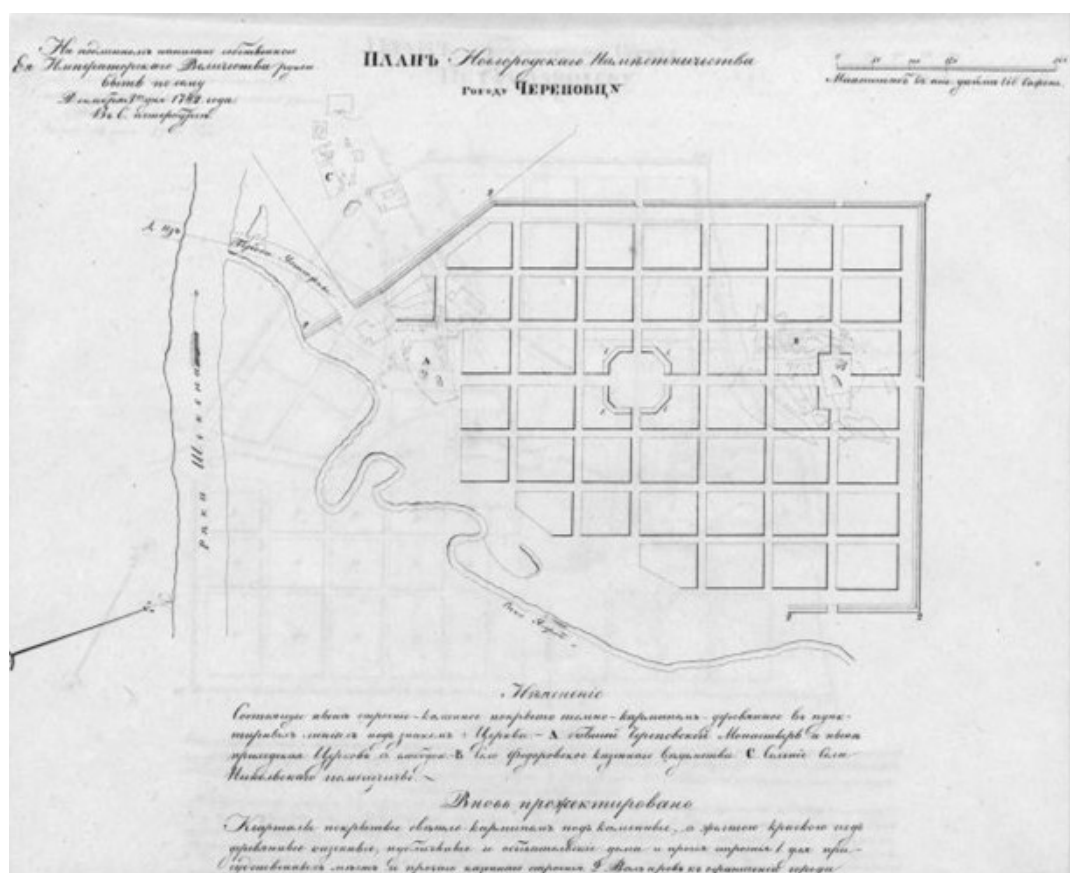

Fig. 1. Plan of Novgorod Region ruled by Governor-General to the city of Cherepovets.
Source: Cartographic Portal, www.mapmarket.ru/index.php?r=329&page=4&id=273

³⁵ A.A. Mokin and E.F. Bulatova, comps., *Cherepovets: Rings of History. Historical Cartographic Atlas* [in Russian] (Cherepovets: Port-Aprel', 2019), 7–8.

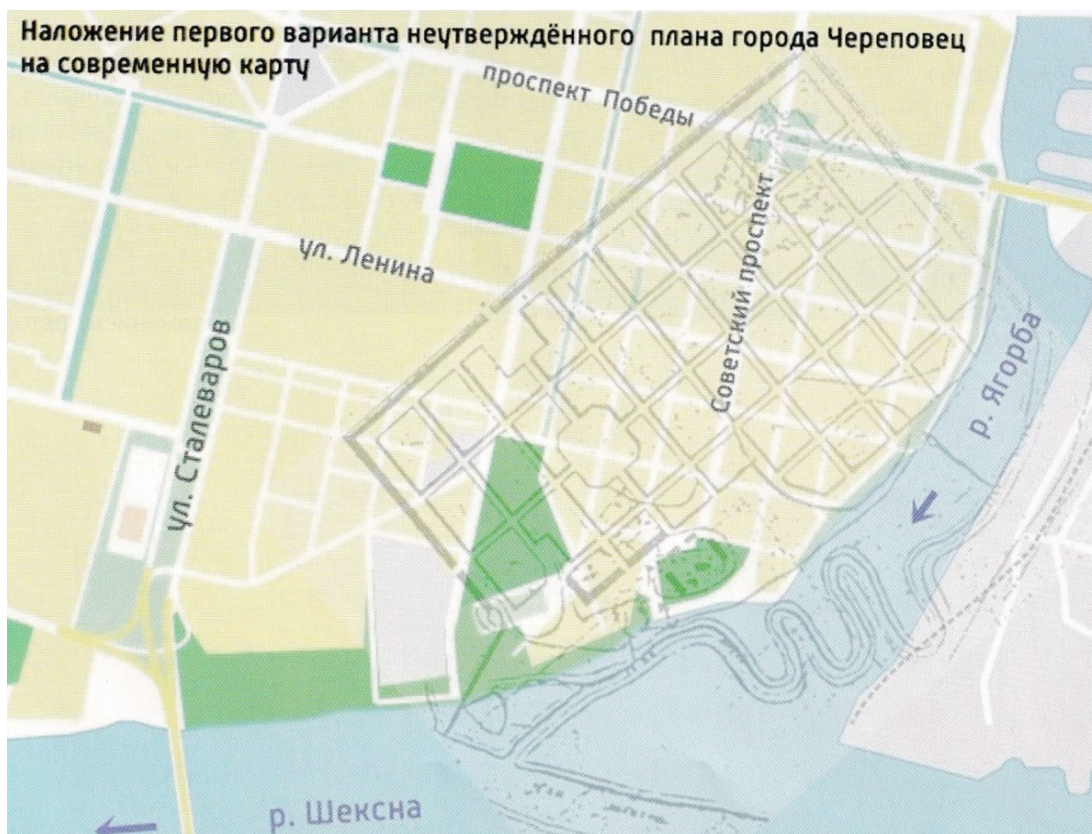

Fig. 2. Superimposition of the first unapproved plan of the city of Cherepovets on the present-day map
 Source: A.A. Mokin and E.F. Bulatova, comps., *Cherepovets: Rings of History. Historical Cartographic Atlas* (Cherepovets: Port-Aprel', 2019), 6.

After the decree of 1772, which forbade burying the deceased in churchyards, the city authorities allocated land for the cemetery that was called *Korzhavskoe* after the river Korzhavka flowing from the Korzhavsky swamp. It was opened in 1798. The wooden gateway church of the Intercession of the Holy Virgin from the former Resurrection Monastery was moved there. According to M. Khrustalev, in 1844–46, a stone church was built in the cemetery with the same dedication and the side-altar of Venerable Macarius of Unzha. The old wooden church was rebuilt into a chapel and remained there until the end of the 1930s.³⁶

Unlike the cities of the Sukhona-Dvina river route (Totma, Vologda, Veliky Ustyug, et al.) that flourished in the 16th – 17th centuries, the rise in the economic development of Cherepovets occurred in the second half of the 19th century. The city was not rich until then, but a developed river network, which comprised two rivers: Sheksna and Yagorba, ensured stable economic existence. Cherepovets did not have affluent merchants like those who created the sacred topics of the cities of the Sukhona-Dvina river route, therefore religious buildings appeared as needed (due to population growth, the emergence of educational institutions, the discovery of a holy spring, etc.).

³⁶ Khrustalev, “Cherepovets Resurrection Monastery,” 40.

The majority of the main stone buildings, including the sacred ones, appeared during the period when the city was headed by I.A. Milyutin (1829–1907), who became mayor in 1861 and headed the city Duma until the end of his life.³⁷

In 1883, the town residence of the Leushinsky Monastery was founded in Cherepovets. Initially, a chapel was built there and then in 1894 in its stead a wooden church on the stone foundation was built in the name of the Presentation of the Lord in the Temple.³⁸ The town residence was opened at the intersection of *Aleksandrovskii Prospekt* [Alexander Avenue] and *Krestovskaya Ulitsa* [Street of the Cross].³⁹

The first domestic church in honour of the Icon of the Mother of God “Consolation of All the Afflicted” was created in the city prison and zemstvo detention house in 1888.⁴⁰ The second domestic church appeared at the non-classical secondary school and was consecrated in honour of St. Alexander Nevsky in 1898 to commemorate the death of Emperor Alexander III of Russia.⁴¹ On November 28, 1904, the third domestic church was consecrated in the Mariinskaya women’s gymnasium in the name of Apostle and Evangelist John the Theologian.⁴²

In 1913, all of Russia celebrated the 300th anniversary of the Romanov dynasty reign. That allowed the hegumeness Taisia of the Leushinsky St. John the Theologian Monastery to build a church in the name of St. Nicholas at the station of Cherepovets by the efforts of benefactors. The church was consecrated on October 18, 1914, on the name day of the Heir to the Throne Tsarevich Aleksei Nikolaevich. The church became patronal for railway workers.⁴³ The construction of this church completed the sacred appearance of the city.

In addition to churches, chapels were also included in the process of sacralising the urban space. One of the chapels was mentioned above, the chapel at Korzhavsky cemetery that was rebuilt from the wooden gateway church of the Intercession of the Holy Virgin of the former Resurrection Monastery. However, the chapel on the right bank of the Yagorba in honour of the Icon of the Life-Giving Spring of the Mother of

---

³⁷ For more, see N.V. Alekseeva, “The Sacred Space of the North Russian City at the Turn of the 19th – 20th Centuries: on the Statement of the Problem (Based on the Materials of the City of Cherepovets in the Novgorod Governorate) [in Russian], in *Phenomenology of the City: Philosophical vs. Historical Aspects: Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Interdisciplinary Scientific and Teoretical Workshop (Cherepovets, June 28–30, 2019): Collection of Scientific Papers*, ed. O.Yu. Solodyankina (Cherepovets: ChGU, 2019), 16–23.

³⁸ Khrustalev, *Cherepovets: Lost Shrines*, 25.

³⁹ For more on the logic of renaming spatial objects in Cherepovets, see O.Yu. Solodyankina, “Events as Milestones in the Urban History and Their Commemoration: The Spatial Aspect,” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 4 (2019): 1174–1209.

⁴⁰ Khrustalev, *Cherepovets: Lost Shrines*, 34.

⁴¹ Khrustalev, *Cherepovets: Lost Shrines*, 31.

⁴² Khrustalev, *Cherepovets: Lost Shrines*, 33.

⁴³ Khrustalev, *Cherepovets: Lost Shrines*, 29.

God is believed to be the earliest Cherepovets chapel. It was built over a spring whose water was considered healing, and has been known since the 18th century. More accurate data on the chapel and its history have not been preserved. The third chapel was the chapel in honour of St. Philip of Irap, which was built in the late 1870s – early 1880s in the town residence of Philippo-Irapsky Pustyn monastery. And finally, the fourth chapel was consecrated in honour of St. Nicholas in 1904 at the railway station on the initiative of Hegumeness Taisia.⁴⁴ Chapels in honour of St. Nicholas were usually built along river and sea routes. It was the first time when such chapel was built at a railway station.

Researching the principles of naming the churches and consecrating the altars of the churches in Northern European Russia, A. Kamkin identified several groups of them: in honour of the Lord, the Archangels, Theotokos, the Prophets, and the Apostles; and in honour of various saints and sacred objects.⁴⁵ The vast majority of them were represented in the Orthodox complex of Cherepovets. In Cherepovets of the first quarter of the 20th century, the first group included the first two churches of the city in the name of the Life-Giving Trinity and the Nativity of Christ on the territory of the Resurrection Monastery and the Presentation of the Lord in the Temple in the town residence of the Leushinsky Monastery. The group of the Virgin was represented by the gateway church, and then the cemetery church in the name of the Intercession of the Holy Virgin, the cemetery chapel of the same name, the Annunciation Church in Fedosyevo, the domestic church in the name of the Icon of the Mother of God “Consolation of All the Afflicted” and the chapel consecrated in honour of the Icon of the Life-Giving Spring of the Mother of God. The prophetic and apostolic group included the side-altars in honour of the Beheading of St. John the Precursor and of Apostle and Evangelist John the Theologian in the Resurrection Church, St. John the Theologian Church in the Annunciation parish in the Fedosyevo side and the eponymous domestic church in the Mariinskaya women’s gymnasium. The largest group was represented by the temples and side-altars dedicated to the saints: common Christian (the church, chapel and side-altar in the St. John the Theologian Church, dedicated to St. Nicholas the Wonderworker, the side-altars in the name of the Great Martyr George in St. John the Theologian Cathedral and of St. Athanasius of Alexandria in the Annunciation Cathedral); Orthodox (the domestic church of the non-classical secondary school in honour of Alexander Nevsky, the side-altar of St. Sergius of Radonezh in the Trinity Cathedral and of Theodosius Pechersky in the Annunciation Cathedral); local (chapel in the town residence of the Philippo-Irapsky Monastery with the same dedication, side-altars in the Trinity cathedral and Intercession of the Holy Virgin in honour of the venerable Cyril of Novoezersk and Macarius of Unzha, respectively).

---

⁴⁴ Khrustalev, *Cherepovets: Lost Shrines*, 41–44.

⁴⁵ Kamkin, *The Orthodox Church in the Russian North*, 15.

Dedications to the Archangels were absent from the city toponyms. However, some other names of the churches occurred more than once, which testified to their special veneration in the theological circles (Apostle John the Theologian) or popularity among the people (St. Nicholas the Wonderworker). In addition to that, the sacred space was complemented with icons and sacred relics, which in Cherepovets of the late 1890s – early 1900s was represented by the holy relics of the venerable founders of the city Theodosius and Athanasius, which were kept under wraps in the Resurrection Cathedral.⁴⁶ All that enabled the parishioners to address in prayer the relics of almost all levels of Orthodoxy.

The perception of the integral Orthodox space was also secured by the names of the streets and squares of the city. By the middle of the 19th century, two streets of the eight that existed in the city and the main avenue, as well as two of the three squares were named after the churches located nearby. *Pokrovskaya Ulitsa* [Intercession Street] and *Blagoveshchenskaya Ulitsa* [Annunciation Street] together with *Voskresenskii Prospekt* [Resurrection Avenue] connected two ancient city centres, Podmonastyrskaya Sloboda and Fedosyevo. The squares (*Sobornaya Ploshchad'* [Cathedral square] and *Blagoveshchenskaya Ploshchad'* [Annunciation Square]) marked those centres, respectively.

In addition to that, the main city roads crossed the lanes, which bore both church or altar and class names, and concentrated around that same centres. *Sobornyi Pereulok* [Cathedral Lane] was directly adjacent to *Sobornaya Ploshchad'* [Cathedral Square], block by block, the central streets were crossed *Sergievskii Pereulok* [Sergius Lane] (after the name of one of the altars) and *Troitskii Pereulok* [Trinity Lane]. *Blagoveshchenskaya Ploshchad'* [Annunciation Square] in turn, was adjoined by *Popovskii Pereulok* [Priest Lane] that marked the compact residence of the Fedosyevo side's clergy, and *Egor'evskii Pereulok* [George Lane], the name of which goes back to the first church in honour of the Great Martyr George and a side-altar in his honour in the John the Theologian church, probably built there as early as in Theodosius's times. The plan of the city is shown in figures 3.

---

⁴⁶ Kadobnov, *A Brief Outline of the Emergence of the city of Cherepovets*, 3.

Fig. 3. Plan of the uyezd town of Cherepovets of Novgorod Governorate. 1850.

Source: Mokin and Bulatova, *Cherepovets: Rings of History*, 10

The new names associated with the sacred centres of the city appeared on the new map of 1900. Instead of *Sergievskii Pereulok* [Sergius Lane] and *Troitskii Pereulok* [Trinity Lane], *Sergievskaya Ulitsa* [Sergius Street] appears. But *Troitskii Pereulok* does not disappear from the city map. It moves to the vicinity of the temple complex of the former Resurrection Monastery. Perpendicular to it to the left the map shows *Pokrovskii Pereulok* [Intercession Lane] that comes from *Pokrovskaya Ploshchad'* [Intercession Square], adjacent to the cemetery and its church. On the right side, parallel to *Naberezhnaya Ulitsa* [Embankment Street] there is *Istochnikovaya Ulitsa* [Spring Street], after the name of located there chapel of the Icon of the Life-Giving Spring of the Mother of God.

The Fedosyevo side also undergoes small changes in the topographical sense: *Popovskii Pereulok* [Priest Lane] and *Egor'evskii Pereulok* [George Lane] become *Fedos'evskaya Ulitsa* [Theodosius Street] in memory of the founder of the settlement, the monk Theodosius.

Fig. 4. Plan of the uyezd town of Cherepovets of Novgorod Governorate. 1900.
Source: Mokin and Bulatova, *Cherepovets: Rings of History*, 14.

In addition, two new objects related to the Orthodox toponymy of the city appear on the map: *Sobornyi Sad* [Cathedral Garden] and *Istochnikskii Sad* [Spring Garden], which enable us to speak about cultural facilities of the city and creation of zones in the immediate vicinity of the sacred centres that suggested not only religious worship, but also the recreational opportunities for the citizens.

This topic of the city came to life through traditional Orthodox customs and rituals. And religious processions were most indicative in terms of topography. In addition to the obligatory religious processions on Easter, on the patronal holidays, on the day of the Procession of the Precious Wood of the Life-giving Cross of the Lord on 1 August, and on the Baptism of Christ and Epiphany, there were five religious processions peculiar to Cherepovets.

The first procession was held on the day of Mid-Pentecost. On the southern and northern sides of the city, believers with icons and holy banners came out of the parish churches and went to the Yagorba river where there was blessing of waters. Then the procession moved along *Dvoryanskaya Ulitsa* [Nobility Street] and *Kaznacheiskii Pereulok* [Treasury Lane] to the chapel of Philip of Irap. It all ended with a prayer service, after which the parishioners of the Annunciation parish went to their church, and the Cathedral procession went past the non-classical secondary school on *Aleksandrovsii Prospekt* [Alexander Avenue] to the Resurrection Cathedral.

The second religious procession took place on 10 June. It was established in 1824 on the occasion of bringing a copy of the miraculous icon of Pechersk Mother of God to the cathedral from Yaroslavl. The icon was originally placed in the chapel in the village of Maturino. “From there, with glory and procession, it was brought to the cathedral.”⁴⁷ The procession left the Resurrection Cathedral in *Dvoryanskaya Ulitsa* [Nobility Street], then turned to *Kaznacheiskaya Ulitsa* [Treasury Street] and returned to the Cathedral along *Aleksandrovsii Prospekt* [Alexander Avenue].

The third procession was votive and penitent. It took place on July 10 and was “established long ago during a rampant epidemic”⁴⁸ (loss of cattle). The procession began in the Resurrection Cathedral and headed for the Annunciation Church. From there, the believers walked with icons around the city and from the chapel of the Icon of the Life-Giving Spring of the Mother of God, the parishioners of the cathedral went to the Resurrection Cathedral and the parishioners of the Annunciation Church returned to their church.

Besides, the parishioners of the Annunciation Church had two more religious processions, the data on the reasons for which have not been found so far. One of those processions took place on the second day of Easter, headed for the Resurrection Cathedral, circled it and returned to the church. Another was held on Friday after Easter before the liturgy. It went to the Chapel of the Life-Giving Spring, where the moleben and blessing of water was conducted.⁴⁹

So, in 1914 in the city of Cherepovets there were two parishes, the Annunciation parish, and the Resurrection and Nativity of Christ parish, which were territorially divided by *Krestovskaya Ulitsa* [Street of the Cross]. The Orthodox structure of the city included 10 churches and 4 chapels, the main part of which appeared in the 18th – 19th centuries. This number of churches and chapels apparently fully satisfied the spiritual needs of the residents. Five of them (Resurrection, Trinity, Annunciation, John the Precursor and the Intercession of the Mother of God) were the spiritual cen-

---

⁴⁷ “Cherepovets i ego uezd (opisanie i prochie svedeniya) 1889–1892 gg., 1894 g.” [Cherepovets and its uyezd (description and other information), 1889–92, 1894]. Fonds of written sources. History of the land until 1917. F. 3, d. 3, l. 7. CherMO.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

tres of the original settlements, on the basis of which the city was formed later on. They corresponded to the canonical rules for the formation of sacred centres, adopted in the Middle Ages: miracle, vow, asceticism (the escape of the merchant during the storm and the vow he gave to found a monastery, the fulfilment of the vow and the activities of the ascetics, venerable monks Athanasius and Theodosius in the spiritual development of the monastery and ecclesiastical guidance of the population of the lands adjacent to it). In addition, let us repeat that the churches flanked the borders of the future city in the south and in the north, which also had a sacred meaning because in the spiritual sense they protected all who lived within those boundaries. It is possible to consider as a miracle the discovery of the spring with the attributed to it miraculous properties, over which the chapel (*Istochnitsa*) was built and a procession was formed.

Thus, the second stage in the active construction of churches coincides with the period of Cherepovets development in the 19th century. There are no longer any miraculous signs and great asceticism, and the rest of the church building appear due to necessity and as a result of the increasing needs of citizens: to consecrate the cemetery, which also became a part of the sacred space of the city (the Church of the Intercession of the Mother of God); to give the inmates of the city prison an opportunity to repent (the domestic church of the Icon of the Mother of God “Consolation of All the Afflicted”); to support the students and the teachers in their difficult cause of teaching and mastering new knowledge (domestic churches of the non-classical secondary school and the Mariinskaya women’s gymnasium); to confirm the spiritual teaching of the devotees of piety and local spiritual centres (domestic church and a chapel in the territory of the town residences of the Leushinsky Monastery and the Philippo-Irapskaya Pustyn monastery); to consecrate a new form of economic activity, the development of railway transport in the city (chapel and church of St. Nicholas).

Thus, in the late 19th – early 20th century the Orthodox topography of the city comprised a complex of diverse, sometimes locally isolated objects, each of which was independent, but all together they were the links in a harmonious spatial church system that made up a single Orthodox context of the general urban composition⁵⁰ of Cherepovets. Naturally, five most ancient temples were keynote.

This system was different from the topography of the more ancient cities of the Russian North, such as Vologda or Veliky Ustyug. The absence of high profits during several centuries had formed in the residents of Cherepovets a fairly rational attitude towards their income. There was no pronounced tradition of piety, which was actively embodied in the construction of votive churches, chapels and crosses in other territories of Vologda and Arkhangelsk governorates. However, firm faith and steady performance of rituals can be clearly seen in the extant documents. The existing sa-

---

⁵⁰ Spasenkova, *The Orthodox Tradition of the Russian City in the 1917–30s*, 40.

cred space of the city was in constant demand and was filled with living traditions. In this sense Cherepovets was no exception. The uyezd towns of Gryazovets, Nikolsk, Kadnikov, Borovichi, Tikhvin, et al. developed in a similar way.

Список литературы

Аванесов С.С. Сакральная топика русского города // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2016. – Т. 7. – № 1. – С. 71–114. – URL: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2016&issue=1&article_id=5889 (дата обращения – 12.08.2019)

Алексеева Н.В. Сакральное пространство севернорусского города на рубеже XIX–XX вв.: к постановке проблемы (на материалах г. Череповца Новгородской губернии) // Феноменология города: Философские vs. исторические аспекты: материалы Всероссийского (с международным участием) междисциплинарного научно-теоретического семинара (Череповец, 28–30 июня 2019 г.): Сборник научных работ / ответственный редактор О.Ю. Солодянкина. – Череповец: ЧГУ, 2019. – С. 16–23.

Баталов А.Л., Беляев Л.А. Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история. – Москва: МГОМЗ, 2013. – 204 с.

Всеволодов А.В. Православное приходское духовенство в 1840–1880-е гг. Материальное обеспечение, корпоративная организация, самосознание (на материалах Вологодской епархии): дис. ... канд. ист. наук. – Институт истории и археологии УрО РАН, 2017. – 377 с.

Кадобнов Ф.И. Краткий очерк возникновения города Череповца Новгородской губернии и его героический рост за время 50-ти летней деятельности городского головы И.А. Милютин / составитель Ф.И. Кадобнов (Бывший гласный и секретарь Думы и Управы) г. Череповец. – Калуга: Типография Калужского губернского земства, 1910. – 71 с.

Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. Любителю старины. Краеведу. Учителю. Студенту. – Вологда: ВГПИ, 1992. – 164 с.

Кудрявцева Т.Н. Композиция улиц древнерусских городов // Архитектурное наследство. – 1984. – № 33. – С. 14–22.

Лебедев Л., протоиерей. Москва Патриаршая. – Москва: Столица; Вече, 1995. – 384 с.

Лидов А.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / под редакцией А.М. Лидова. – Москва: Индрик, 2006. – С. 9–31. – URL: hierotopy.ru/contents/CreationOfSacralSpaces_01_Lidov_Hierotopy_2006_Rus.pdf (дата обращения – 12.08.2019)

Отто Р. Священное = Das Heilige: об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Перевод с немецкого А.М. Руткевича. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – 269 с.

Пермиловская А.Б. Русский Север в пространстве культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3: в 3 ч. – Ч. III. – С. 121–124.

Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. – Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 549с.

Сазонова Н.И. Пространство религиозного культа и сакральная топика города: восточно-христианская традиция // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – Вып. 2. – С. 86–109. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-86-109

Святыни Череповецкого края. Кн. 1: Череповецкий край и его святыни / автор-составитель М. Мальцев; под редакцией М. Михайлова. – Санкт-Петербург: Русская Фиваида, 2007. – 59 с.

Солодянкина О.Ю. События как вехи городской истории и их коммеморация: пространственный аспект // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. – 2019. – Т. 3. – № 4. – С. 1174–1209. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-4-3

Спасенкова И.В. Православная традиция русского города в 1917–1930-е гг.: На материалах Вологды: дис. ... канд. ист. наук. – ВГПИ, 1999. – 326 с.

Третьякова С.В. Основатели монастырей в исторической памяти в религиозном укладе Белозерья (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – ВГПИ, 2007. – 305 с.

Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. – Санкт-Петербург: МИФРИЛ; Русская книга, 1993. – 365 с.

Хрусталева М.Ю. Череповец: утраченные святыни. – Рыбинск: Михайлов посад, 2002. – 48 с.

Хрусталева М.Ю. Воскресенский Череповецкий монастырь по архивным и иконографическим источникам XVIII–XX веков // Череповец: Краеведческий альманах. Вып. 2. – Вологда: Легия, 1999. – С. 31–51.

Череповец: кольца истории. Историко-картографический атлас / Мокин А.А., Булатова Е.Ф. Составление карт Мокин А.А. – Череповец: Порт-Апрель. 2019. – 104 с.

Череповецкая Фиваида. Часть I / Автор-составитель М.Г. Мальцев. – Санкт-Петербург: Русская Фиваида, 2010. – С. 50–51.

Элиаде М. Священное и мирское / предисловие и комментарий Н.К. Гарбовского. – Москва: МГУ, 1994. – 144 с.

References

Alekseeva, N.V. “Sakral'noe prostranstvo severnorusskogo goroda na rubezhe XIX–XX vv.: k postanovke problemy (na materialakh g. Cherepovtsa Novgorodskoi gubernii)” [The sacred space of the North Russian city at the turn of the 19th – 20th centuries: on the statement of the problem (based on the materials of the city of Cherepovets in the Novgorod Governorate)]. In *Fenomenologiya goroda: Filosofskie vs. istoricheskie aspekty: materialy Vserossiiskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) mezhdistsiplinarnogo nauchno-teoreticheskogo seminara (Cherepovets, 28–30 iyunya 2019 g.): Sbornik nauchnykh rabot* [Phenomenology of the city: Philosophical vs. historical aspects: Proceedings of the All-Russian (with international participation) interdisciplinary scientific and practical workshop (Cherepovets, June 28–30, 2019): Collection of scientific papers], edited by O.Yu. Solodyankina, 16–23. Cherepovets: ChGU, 2019. (In Russian)

Avanesov, S.S. “Sakral'naya topika russkogo goroda” [Sacred topics of Russian cities]. *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, vol. 7, no. 1 (2016): 71–114. https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/avanesov_s._s._71_114_1_7_2016.pdf (In Russian)

Batalov, A.L., and L.A. Belyaev. *Tserkov' Vozneseniya v Kolomenskom: arkhitektura, arkheologiya, istoriya* [The Church of the Ascension in Kolomenskoye: architecture, archaeology, history]. Moscow: MGOMZ, 2013. (In Russian)

Eliade, M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The sacred and the profane]. With foreword and commentary by N.K. Garbovskii. Moscow: MGU, 1994. (In Russian)

Florenskii, P. A. *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis. Selected works on art]. St Petersburg: MIFRIL, Russkaya kniga, 1993. (In Russian)

Kadobnov, F.I., comp. *Kratkii ocherk vozniknoveniya goroda Cherepovtsa Novgorodskoi gubernii i ego geroicheskii rost za vremya 50-ti letnei deyatel'nosti gorodskogo golovy I.A. Milyutina* [A brief outline of the emergence of the city of Cherepovets in Novgorod Governorate and its heroic growth during the 50-year activity of its mayor I.A. Milyutin]. Kaluga: Tipografiya Kaluzhskogo gubernskogo zemstva, 1910. (In Russian)

Kamkin, A.V. *Pravoslavnyaya tserkov' na Severe Rossii: ocherki istorii do 1917 goda. Lyubite-lyu stariny. Kraevedu. Uchitelyu. Studentu* [The Orthodox Church in the Russian North: Essays on history until 1917. To the lover of the antique. To the local historian. To the Teacher. To the Student]. Vologda: VGPI, 1992. (In Russian)

Khrustalev, M.Yu. "Voskresenskii Cherepovetskii monastyr' po arkhivnym i ikonograficheskim istochnikam XVIII–XX vekov" [Cherepovets Resurrection Monastery according to archival and iconographic sources of the 18th–19th centuries]. In *Cherepovets. Kraevedcheskii al'manakh* [Cherepovets. Local History Almanac], issue 2, 31–51. Vologda: Legiya, 1999. (In Russian)

Khrustalev, M.Yu. *Cherepovets: utrachennyye svyatyni* [Cherepovets: lost shrines]. Rybinsk: Mikhailov posad, 2002. (In Russian)

Kudryavtseva, T.N. "Kompozitsiya ulits drevnerusskikh gorodov" [Composition of the streets of the Old Russian cities]. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, no. 33 (1984): 14–22. (In Russian)

Lebedev, L., archpriest. *Moskva Patriarshaya* [Moscow Patriarchal]. Moscow: Veche, 1995. (In Russian)

Lidov, A.M. "Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya" [Hierotopy. The creation of sacred spaces as a form of creativity and subject of cultural history]. In *Hierotopy. Creation of Sacred Spaces in Byzantium and Medieval Russia*, edited by A. Lidov, 9–31. Moscow: Indrik, 2006. Accessed August 12, 2019. http://hierotopy.ru/contents/CreationOfSacralSpaces_01_Lidov_Hierotopy_2006_Rus.pdf (In Russian)

Mal'tsev, M., comp., *Cherepovetskaya Fivaida. Chast' I* [Cherepovets Thebaid. Part 1] (St Petersburg: Russkaya Fivaida, 2010), 50–51. (In Russian)

Mal'tsev, M., comp. *Svyatyni Cherepovetskogo kraya* [The shrines of Cherepovets land]. Bk. 1. *Cherepovetskii kraj i ego svyatyni* [Cherepovets land and its shrines]. Edited by M. Mikhailov. St Petersburg: Russkaya Fivaida, 2007. (In Russian)

Mokin, A.A., and E.F. Bulatova, comps. *Cherepovets: kol'tsa istorii. Istoriko-kartograficheskii atlas* [Cherepovets: rings of history. Historical cartographic atlas]. Cherepovets: Port-Aprel', 2019. (In Russian)

Otto, R. *Svyashchennoe = Das Heilige: ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [The idea of the Holy: An inquiry into the non-rational factor in the idea of the divine and its relation to the rational]. Translated by A.M. Rutkevich. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-peterburgskogo universiteta, 2009. (In Russian)

Permilovskaya, A.B. "Russkii Sever v prostranstve kul'tury" [Russian North in culture space]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3, part 3 (2011): 121–24. (In Russian)

Permilovskaya, A.B. *Russkii Sever kak osobaya territoriya naslediya* [Russian North as a special territory of heritage]. Arkhangel'sk: Pravda Severa; Yekaterinburg: UrO RAN, 2010. (In Russian)

Sazonova, N.I. "Prostranstvo religioznogo kul'ta i sakral'naya topika goroda: vostochnokhristianskaya traditsiya" [The space of religious worship and sacred topic of the city: the eastern

Christian tradition]. *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, no. 2 (2018): 86–109. <http://doi.org/10.23951/2312-7899-2018-2-86-109>

Solodyankina, O.Yu. “Sobytiya kak vekhi gorodskoi istorii i ikh kommemoratsiya: prostranstvennyi aspekt” [Events as Milestones in the Urban History and Their Commemoration: The Spatial Aspect], *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 4 (2019): 1174–1209. (In Russian)

Spasenkova, I.V. *Pravoslavnaya traditsiya russkogo goroda v 1917–1930-e gg.: Na materialakh Vologdy* [The Orthodox tradition of the Russian city in the 1917–30s: on the materials of Vologda]. PhD diss. Vologda State Pedagogical Institute, 1999. (In Russian)

Tret'yakova, S.V. *Osnovateli monastyrei v istoricheskoi pamyati v religioznom uklade Beloz'er'ya (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX vv.)* [Founders of monasteries in historical memory in the religious ways of Beloozero region (second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries)]. PhD diss. Vologda State Pedagogical Institute, 2007. (In Russian)

Vsevolodov, A.V. *Pravoslavnoe prikhodskoe dukhovenstvo v 1840–1880-e gg. Material'noe obespechenie, korporativnaya organizatsiya, samosoznanie (na materialakh Vologodskoi eparkhii)* [Orthodox parish clergy in the 1840–80s. Financial support, corporate organization, self-awareness (based on the materials of the Vologda diocese)]. PhD diss. Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. (In Russian)